

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я принадлежу к поколению, уничтоженному войной. Жизнь, как теперь понимаю, обязан старой учительнице. Она, после дня пребывания в первом классе, перевела меня во второй. Поэтому, окончив школу, я – семнадцатилетний, в отличие от одноклассников, не попал в армию и стал студентом Московского медицинского института. Мои же товарищи после призыва были направлены рядовыми на Западную границу, где встретили войну и, за редким исключением, погибли.

Во времена студенчества, с первых дней войны – рытье укреплений на Брянщине, а затем под Москвой. В часы ночных бомбежек – дежурства на крышах Пироговских клиник. Видел баррикады на московских улицах, пережил день шестнадцатого октября, когда, возможно, решалась судьба Москвы.

В конце сорок первого студенческим эшелоном попал в Уфу. Там нас ждали профессора. Возобновилась учеба. Одновременно – почти постоянная борьба с голодом, работа грузчиком, рубка дров, встречи с украинскими, писателями Тычиной, Рыльским, Стельмахом, прибывшими туда в эвакуацию. И вперемежку с учебой, несмотря на тяготы военного времени, стихи.

В сорок третьем – возвращение с институтом в Москву. Через год вместе с врачебным дипломом получил предписание на должность врача танкодесантного батальона. Мне повезло со специальностью: по военной статистике врачи на фронте гибли реже, чем командиры рот и взводов.

На войне меня ожидали тяжелые бои в Верхней Силезии и под Моравской Оставой, ожесточенное сражение за Берлин, танковый рейд на Прагу. Победу встретил среди ликующих толп чехословацкой столицы.

Потом военная служба в Туркестане, совершенствование в клиниках Военно-Медицинской Академии, пять лет работы на Камчатке, назначение в Вильнюсский гарнизонный госпиталь.

В Туркестане начал заниматься эпидемиологией и диагностикой ряда тропических инфекций. На Камчатке столкнулся с необходимостью изучения природно-очаговых болезней. Проводил на себе опыты самозаражения. В Литве – родине моих предков – испытал чувство глубокого удовлетворения, исследуя экологию вирусного гепатита, принимая участие в борьбе со вспышками инфекционных заболеваний во многих городах и поселках Республики.

Годы работы в Вильнюсе подарили мне радость общения с Ю. Марцинкявичюсом, Э. Межелайтисом, С. Красаускасом, М. Слуцкисом, В. Калинаускасом, К. Богданасом, Ю. Балтушисом, А. Хургинасом, М. Миронайте, В. Гирдзияускасом, П. Чибирасом и многими другими выдающимися людьми литовской культуры и науки. Но эта тема другого разговора.

Тетрадь со старыми стихами я нашел почти случайно, разыскивая в шкафу одну из нужных книг. Перечитывая стихи ощутил волнение и подумал, что оно может возникнуть и у другого человека, познакомившегося с ними.

Понимаю, что стихи во многом несовершенны, по юношески наивны. Но они искренни. Они свидетельство времени, в котором пришлось жить. А время было сложным, порой трагичным. Оно связано с предчувствием и приходом Большой войны.

Война проложила глубокий след в духовном облике людей. Решалась судьба всего, что тебя окружало, непривычно приблизилась реальность собственной гибели. Поэтому в то время так обострились чувства долга, собственной незащищенности, одиночества, ожидания встречи с любимой. Это нашло отражение и в стихотворных строках из забытой тетради.

Годы жизни изменили наши представления о том, что крепко устоялось в сознании, казалось непоколебимым.

Оценку происшедшего кратко выразил мой покойный учитель – всемирно известный эпидемиолог Карел Рашка. В начале восьмидесятых мы сидели у камина в его пражском доме. Запомнились слова: «Знаешь, о людях с советской военной формой у нас говорят: «Отец – освободитель, сын – захватчик».

Тяжело было слышать слова старого чешского ученого. Более тридцати лет я носил армейскую форму. Это была военная форма моей страны. Сейчас уже нет этой страны, этой армии.

Близко время, когда из жизни уйдут последние, кто своими телами вымостил Победу, кто избавил Европу от дыма газовых камер и погасил печи крематориев лагерей уничтожения. Их надежды на благоденствие и вечный мир в сердцах людей остались несбывшимися...

Вспоминаются когда-то прочитанные строки поэта военного поколения:

«Можем рифмы нанизывать
Посмелее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь...»

Что же, полузабытые рифмы, «посмелее, попроще» перед вами. А «Сенатской площадью» для меня навсегда останется давний майский день с воздухом, пропитанным запахом горячей танковой брони и распутившейся сирени, несмолкаемый клич «На здар», звучащий над брусчаткой улиц и площадей Праги, безоблачное небо над ней, окаймленное разноликими куполами бесчисленных соборов и белыми свечами цветущих каштанов.

Верю, что память об этом майском дне будет жить всегда. Уцелевшие на войне не «потерянное поколение». У нас право сказать грядущему: « Будьте счастливы, люди».

1994 г.